

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 109

28 мая 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката Ц. и представителя заявителя Ж. – К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ж. от 19 февраля 2025 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката Ц. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 апреля 2026 года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему; адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с Разъяснениями № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 02 марта 2004 года («Об участии в делах по назначению»), Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и

части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», принятыми на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 24 сентября 2015 года, и п. 3-6, 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, исполнении адвокатом Ц. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ж., выразившемся в том, что, вступив не позднее 01.45 час. 09 мая 2025 года в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя по особо важным делам следственной службы УФСБ России по городу Москве и Московской области А., в качестве защитника Ж. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, адвокат Ц.:

– не провел конфиденциальное свидание наедине с доверителем Ж., до его первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), тем самым не выполнив профессиональные обязанности, подлежащие выполнению адвокатом, осуществляющим защиту в уголовном судопроизводстве, в ходе такого свидания (выяснение наличия обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснение Ж. права на приглашение защитника по соглашению; выяснение у Ж. обстоятельств задержания и уточнение, проводился ли его допрос в отсутствие адвоката и применялись ли к нему незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; выяснение отношения Ж. к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления; предварительное согласование позиции по делу; разъяснение Ж. правовых последствий признания вины и установление добровольного характера такого признания), а также не принял мер реагирования на нарушение права подзащитного Ж. на такое свидание (внесение в протокол следственного действия заявления о нарушении прав доверителя Ж., заявление письменного ходатайства об обеспечении права на свидание наедине и конфиденциально, а в случае отказа в его удовлетворении – заявление о невозможности осуществлять защиту и обжалование неправомерных действий следователя прокурору либо в суд);

– не выяснил точное время фактического задержания Ж. и не указал в замечаниях к протоколу задержания подозреваемого Ж. от 09 мая 2025 года, составленному старшим следователем по особо важным делам следственной службы УФСБ России по городу Москве и Московской области А. сведения о времени фактического задержания подозреваемого Ж. (08 мая 2025 года не позднее 15.10 час.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания подозреваемого Ж. (01.20 час. 09 мая 2025 года);

– в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника (до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Ж.) принял участие в качестве защитника Ж. по назначению в проведении 09 мая 2025 года в период времени с 01.55 час. до 04.35 час. следственных и иных процессуальных действий с участием Ж. (допрос Ж. в качестве

подозреваемого, предъявление Ж. обвинения, допрос Ж. в качестве обвиняемого);

– не принял при участии в следственных и иных процессуальных действиях 09 мая 2025 года мер к защите прав Ж. в связи с наличием признаков, указывающих на причинение Ж. телесных повреждений (выяснение в ходе конфиденциального общения с Ж. обстоятельств возникновения у него телесных повреждений, а также возможности его участия в следственных и иных процессуальных действиях 09 мая 2025 года с учетом состояния его здоровья; отражение сведений о наличии у Ж. телесных повреждений и установленных по результатам конфиденциального общения с Ж. причинах их возникновения в протоколах следственных и иных процессуальных действий; обжалование бездействия следователя в связи с нереагированием на наличие у Ж. телесных повреждений; заявление ходатайств о вызове бригады скорой медицинской помощи и об отложении проведения следственных и иных процессуальных действий; обжалование действий (бездействия) следователя в случае отказа в удовлетворении заявленных ходатайств; обращение с заявлениями и жалобами в правоохранительные органы по факту выявления у Ж. телесных повреждений);

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ц. по жалобе Ж. от 19 февраля 2025 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя Ж. – К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, согласилась с его выводами, поддержала изложенную в жалобе заявителя просьбу о прекращении статуса адвоката Ц. Пояснила, что в настоящее время осуществляется подготовка ее сына – заявителя Ж. к операции вследствие побоев, причиненных сотрудниками правоохранительных органов. Подтвердила позицию заявителя о прекращении статуса адвоката Ц. за недобросовестное профессиональное поведение и неоказание помощи.

Адвокат Ц. в письменном заявлении сообщил, что полностью признает выводы заключения Квалификационной комиссии и в содеянном раскаивается (вх. № ... от ...), в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, уточнил, что вину в установленных Комиссией нарушениях признает частично, поскольку не имел прямого умысла на совершение нарушений и причинение вреда интересам Ж. Считает, что оказывал ему юридическую помощь путем участия в следственных действиях, в заседании суда по избранию меры пресечения и путем подготовки и подачи апелляционной жалобы на это решение суда.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, соглашается с заключением Квалификационной

комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Против адвоката Ц. заявителем Ж. выдвинуты дисциплинарные обвинения:

- в участии 09 мая 2025 года в следственных и иных процессуальных действиях с Ж. в качестве его защитника по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ:

- без проведения с Ж. свидания наедине и конфиденциально;

- без согласования с Ж. позиции по делу, без выяснения его отношения к подозрению и предъявленному обвинению, без разъяснения Ж. правовых последствий признания вины и без установления добровольного характера такого признания;

- без выяснения времени фактического задержания Ж. и отражения его в протоколе задержания подозреваемого;

- в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника, в том числе в условиях неистечения 24-часового срока явки приглашенного защитника с момента фактического задержания Ж., без разъяснения Ж. права на приглашение защитника и без получения согласия Ж. на осуществление его защиты;

- без выяснения сведений о проведении допроса Ж. в отсутствие адвоката, а также без выяснения применения к нему незаконных методов при проведении следственных действий;

- без заявления ходатайств об отложении производства следственных и иных процессуальных действий для обеспечения возможности оказания Ж. медицинской помощи;

- без отражения в протоколе его допроса замечаний о наличии у Ж. телесных повреждений;

- без реагирования на производство следственных и иных процессуальных действий с Ж. в ночное время;

- без фактического участия в допросе Ж.;

- в заявлении в ходе общения с матерью Ж. – К. о том, что Ж. является преступником;

- в опоздании в судебное заседание М. районного суда города Москвы 10 мая 2025 года по рассмотрению постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства следователя об избрании в отношении Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу;

- в склонении Ж. к согласию с избранием в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу;

- в постановке активности своей юридической помощи в зависимость от заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи;

- в неполучении согласия Ж. на осуществление его защиты на основании соглашения об оказании юридической помощи после его заключения с матерью Ж. – К. 10 мая 2025 года;

- в подаче апелляционной жалобы на постановление М. районного суда города Москвы от 10 мая 2025 года об избрании в отношении Ж. меры

пресечения в виде заключения под стражу после получения уведомления доверителя К. о расторжении заключенного с адвокатом соглашения об оказании юридической помощи;

– в самоустранении от осуществления защиты после заключения соглашения об оказании юридической помощи с К., выразившемся, в том числе, в непосещении Ж. в следственном изоляторе, а также в неявке в судебное заседание суда апелляционной инстанции по рассмотрению апелляционной жалобы на постановление М. районного суда города Москвы от 10 мая 2025 года об избрании в отношении Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 08 мая 2025 года с 13.00 час. до 15.10 час. по уголовному делу № ... на основании постановления старшего следователя по особо важным делам следственной службы УФСБ по городу Москве и Московской области А. в жилище Ж. проведен обыск, при производстве которого участвовали он и его мать К. По окончании обыска Ж. был фактически задержан сотрудниками правоохранительных органов и доставлен к следователю с использованием специальных средств ограничения подвижности – наручников и со следами телесных повреждений (побоев).

По заявке следователя от 08 мая 2026 года № ... в АИС АПМ защитником Ж. был назначен адвокат Ц., который вступил в уголовное дело 09 мая 2025 года на основании Ордера от 09 мая 2025 года серии ... № В тот же день в 00.10 час. следователем возбуждено уголовное дело № ... в отношении Ж. и неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

09 мая 2025 года в 01.45 час. с участием защитника – адвоката Ц. был составлен протокол задержания Ж. в порядке ст. 91 УПК РФ, в котором указано, что он задержан 09 мая 2025 года в 01.20 час. в служебном помещении № ... следственного органа по адресу: ..., по подозрению к приготовлению к совершению террористического акта в составе группы лиц по предварительному сговору, то есть преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ. В протоколе задержания отражено заявление Ж.: «С данными подозрениями, а также со своим задержанием я согласен, свою вину признаю в полном объеме и раскаиваюсь в содеянном, а именно в том, что я, действуя совместно с представителями ГУР МОУ, совершил приготовление к террористическому акту путем подрыва автотранспортного средства на стоянке возле жилого дома по адресу: ..., который был запланирован на 8 мая 2025 года накануне проведения празднования «80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Согласно протоколу, уведомить кого-либо из близких лиц Ж. не пожелал в связи с их осведомленностью об этом. Замечания к протоколу от Ж. и его защитника – адвоката Ц. не поступили.

В ходе допроса в качестве подозреваемого 09 мая 2025 года с 01.55 час. до 03.00 час. Ж., отвечая на вопросы следователя, сообщил об отсутствии у него адвоката по соглашению и о желании, чтобы его защиту осуществлял

адвокат Ц., с которым иметь свидание наедине и конфиденциально он не желает. Замечания к протоколу от Ж. и его защитника – адвоката Ц. также не поступили. В тот же день Ж. предъявлено обвинение и с 04.10 час. до 04.35 час. он допрошен с участием защитника – адвоката Ц., после чего направлен в ИВС № ... ГУ МВД России по городу Москве.

Позднее в этот же день в ИВС № ... ГУ МВД России по городу Москве для оказания Ж. медицинской помощи дважды, в 05.58 час. и 17.17 час., вызывалась бригада скорой медицинской помощи, он доставлялся в больницу, где ему был поставлен диагноз: «Т11.8 Ушиб мягких тканей области левого коленного сустава. Гемартроз».

10 мая 2025 года с 12.41 час. до 12.59 час. М. районным судом города Москвы проведено судебное заседание с участием Ж. и его защитника – адвоката Ц., по результатам которого судом принято решение об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу на 02 месяца 00 суток до 09 июля 2025 года, против чего он не возражал, а его защитник поддержал указанную позицию доверителя. В постановлении суда в качестве даты задержания указано 09 мая 2025 года.

В тот же день между адвокатом Ц. и К. заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 10 мая 2025 года № ... на осуществление защиты Ж. на стадии предварительного следствия, по которому адвокату Ц. выплачена часть вознаграждения в размере 50 000 рублей. На основании этого Соглашения адвокату Ц. выдан Ордер от 10 мая 2025 года серии ... №

В тот же день Ж. госпитализирован в хирургическое отделение Филиала «Больница» ФКУЗ МСЧ-... ФСИН России, где он находился на стационарном лечении до 30 мая 2025 года с заключительным клиническим диагнозом: «(S80.0) Ушиб, кровоподтек мягких тканей области левого бедра, коленного сустава и голени. Гемартроз слева».

12 мая 2025 года между доверителем К. и адвокатом У. заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 12 мая 2025 года № ... на защиту Ж. на стадии предварительного следствия, а адвокатом Ц. подана апелляционная жалоба на постановление М. районного суда города Москвы от 10 мая 2025 года об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу.

13 мая 2025 года полученная адвокатом Ц. от К. авансом в наличной форме часть вознаграждения в размере 50 000 рублей за оказание юридической помощи Ж. внесена в кассу Коллегии адвокатов «Д.» с оформлением приходного кассового ордера от 13 мая 2025 года №

Заявление об отказе от защитника – адвоката Ц. и об осуществлении защиты адвокатом У. подано Ж. следователю 19 мая 2025 года, а 28 мая 2025 года К. уведомила Коллегию адвокатов «Д.» о расторжении Соглашения от 10 мая 2025 года с адвокатом Ц.. Уведомление было получено адвокатским образованием 03 июня 2025 года.

Апелляционным определением Московского городского суда от 02 июля 2025 года постановление М. районного суда города Москвы об

избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу оставлено без изменения, жалоба адвоката Ц. – без удовлетворения. В судебном заседании 02 июля 2025 года Ж. заявил, что отказывается от защитника – адвоката Ц., его защиту будет осуществлять адвокат У., доводы апелляционной жалобы адвоката Ц. поддержал. Адвокат У. в том же судебном заседании также поддержал доводы указанной апелляционной жалобы и обратил внимание суда на то, что Ж. сотрудничает со следствием.

Квалификационная комиссия правильно указала в заключении о необоснованности довода адвоката Ц. об отсутствии у К. полномочий на представление интересов Ж. в Адвокатской палате города Москвы, поскольку в самой жалобе в недвусмысленной форме выражено волеизъявление Ж. о допуске К. к дисциплинарному разбирательству в Совете и Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы в качестве его представителя.

Переходя к оценке группы дисциплинарных обвинений, связанных с участием адвоката Ц. 09 мая 2025 года в следственных и иных процессуальных действиях с Ж., Совет отмечает следующее.

Необходимым и основополагающим условием оказания юридической помощи адвокатом-защитником (как по назначению, так и по соглашению) является установление фидуциарных (доверительных) отношений адвоката с доверителем. Именно они создают условия для согласования адвокатом позиции по делу, получения адвокатом от доверителя информации, необходимой для честного, разумного, добросовестного, активного и принципиального отстаивания его прав, свобод и законных интересов. Такие отношения не могут быть установлены без общения адвоката, принимающего поручение на осуществление защиты, и его доверителя наедине и конфиденциально. Признание особой значимости такого общения на законодательном уровне выразилось в закреплении:

- в п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ права подозреваемого пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного п. 2 – 3.1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого;

- в п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ права обвиняемого иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности;

- в п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ корреспондирующего права защитника иметь вышеуказанные свидания с подозреваемым, обвиняемым с момента вступления в уголовное дело.

В соответствии со Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года (далее Стандарт), основа для дальнейшего оказания квалифицированной юридической помощи создается через реализацию защитником-адвокатом права на конфиденциальное свидание с подзащитным:

– «Адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении» (п. 3);

– «В рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует: а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом; в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению; г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; д) выяснить отношение к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления» (п. 4);

– «адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат: а) принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться; б) в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности». ... «В случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором» (п. 5 и 6).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 02 марта 2004 года № 2 «Об участии в делах по назначению» указано, что «адвокатам, назначаемым для защиты по запросам судов, прокуроров и органов предварительного расследования, с момента вступления в уголовное судопроизводство надлежит требовать предоставления свидания наедине с подзащитным. При отказе в реализации такого права, какими бы обстоятельствами он не обосновывался, адвокату допустимо заявить о невозможности осуществлять защиту, обжаловав неправомерные действия следователя прокурору либо в суд, а судьи – в вышестоящий суд».

Вопреки этим обязательным требованиям адвокат Ц. не потребовал от следователя предоставления конфиденциального свидания с Ж., который не отказывался от конфиденциального свидания наедине с защитником. Ранее выдвигавшийся адвокатом Ц. довод об обратном обоснованно отвергнут

Квалификационной комиссией. Несостоятельным является и довод адвоката Ц. о том, что он «беседовал наедине с доверителем Ж. сразу по прибытии в следственный орган». Эта «беседа наедине» представляла собой «монолог» адвоката, поскольку Ж. свою позицию не сообщил. Каких-либо заявлений от защитника Ж. – адвоката Ц. по поводу необеспечения его подзащитному права на конфиденциальное свидание с защитником протокол допроса не содержит. Более того, именно адвокат Ц., по его собственному признанию, являлся инициатором внесения в протокол допроса записи об отказе Ж. от свидания с защитником наедине и конфиденциально.

Совет отмечает, что даже если бы Ж. действительно отказывался от свидания с защитником наедине и конфиденциально, формальная фиксация такого отказа в протоколе не могла быть достаточной для дальнейшего осуществления защиты, поскольку такая позиция доверителя могла иметь протестный характер, а также указывать на применение в отношении него незаконных методов ведения следствия. В результате непроведения адвокатом Ц. конфиденциального общения с Ж. стало невозможным ни согласование с ним позиции по делу, ни разъяснение ему права на приглашение защитника, ни выяснение обстоятельств задержания и уточнение обстоятельств допроса в отсутствие адвоката, ни выяснение того, применялись ли к Ж. незаконные методы при проведении с ним следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ни выяснение отношения к подозрению в совершении преступления.

В этой связи Совет подчеркивает, что никакие мотивы, в том числе ссылки на необходимость проведения следственных действий в неотложном порядке, «специфику дела и расследования», не могут оправдать отказ защитника от реализации фундаментальных прав подзащитного. Адвокат Ц. был обязан потребовать и добиться предоставления ему конфиденциального свидания наедине с Ж., а затем создать условия для реализации его иных прав, а не пытаться обосновать допустимость их ограничения под предлогом процессуальной необходимости, солидаризируясь тем самым с органами уголовного преследования и подрывая основу для установления доверительных отношений с подзащитным.

По этой причине адвокат Ц. в сложившейся ситуации был обязан установить причину указанной выше позиции Ж. и отреагировать на нее в соответствии с приведенными требованиями Разъяснения Совета и Стандарта путем внесения в протокол следственного действия заявления о нарушении прав доверителя, заявления собственного письменного ходатайства об обеспечении права на свидание наедине и конфиденциально, а в случае отказа в его удовлетворении – заявления о невозможности осуществлять защиту и обжалования неправомерных действий следователя прокурору либо в суд. Если бы Ж. в рамках конфиденциальной беседы наедине с адвокатом Ц. отказался обсуждать позицию по уголовному делу, то адвокату Ц. после выяснения причин такого отказа надлежало помочь подзащитному составить заявление об отказе от защитника либо самостоятельно заявить о невозможности осуществления защиты Ж.

Продолжение оказания юридической помощи в отсутствие фундаментальных условий для этого фактически исключило для адвоката Ц. возможность исполнения прочих профессиональных обязанностей перед доверителем при участии в следственных и иных процессуальных действиях. При этом адвокатом Ц. оставлено без какого-либо реагирования и то обстоятельство, что заявление Ж. о признании вины в полном объеме и раскаянии в содеянном имело место без конфиденциального общения наедине с защитником, без согласования с ним позиции по делу, без выяснения отношения доверителя к подозрению, без разъяснения ему правовых последствий признания вины, без установления добровольного характера признания, что указывает на фактическое оставление подзащитного Ж. без защиты в момент совершения с ним ключевых процессуальных действий.

Разъяснение адвокатом-защитником в присутствии следователя процессуальных прав подзащитному лишь дублирует обязанность самого следователя и не может создать условия для реализации этих прав доверителя, который может чувствовать угрозу от лиц, осуществляющих уголовное преследование, в связи с активным использованием своих процессуальных прав.

Совет также отмечает, что в соответствии с частью 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи не подлежит ограничению, в том числе и в условиях чрезвычайного положения. В силу этого отсутствуют законные причины и обстоятельства (в том числе связанные с характером преступления, в котором подозревается или обвиняется доверитель, личности доверителя, общественно-политической ситуации или обстановки, в которой проводятся следственные действия), позволяющие адвокату оставить доверителя без надлежащего оказания юридической помощи, прибегая вместо этого к имитации ее оказания и исполнению профессиональных обязанностей.

Кроме того, адвокат Ц., действуя с грубым нарушением профессионально-этических предписаний, не зафиксировал время фактического задержания своего доверителя Ж.

Согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ в протоколе задержания подозреваемого указываются в числе прочего «дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого». Часть 3 ст. 128 УПК РФ предусматривает, что «при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания». В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В соответствии с пп. «г» п. 4 Стандарта в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует, в том числе, «выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие

адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий».

Кроме того, в Разъяснениях № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 24 сентября 2015 года, указано на обязанность адвоката, назначенного защитником задержанного или заключенного под стражу подозреваемого, обвиняемого «выяснить точное время фактического задержания».

В результате дисциплинарного разбирательства достоверно установлено, что адвокат Ц. знал о фактическом задержании Ж. до момента составления 09 мая 2025 года протокола в порядке ст. 91 УПК РФ, поскольку видел, что тот был доставлен к месту процессуальных действий в наручниках сотрудниками правоохранительных органов в масках, а заявка в АИС АПМ на защиту Ж. была размещена следователем 08 мая 2025 года в 18.50 час. – значительно раньше возбуждения уголовного дела и составления протокола задержания. Несмотря на это, адвокат Ц. не отразил в протоколе задержания подозреваемого Ж. обстоятельства, касающиеся фактического времени и места его задержания (по месту жительства не позднее 15.10 час. 08 мая 2025 года). Доводы адвоката Ц. о том, что «наильно Ж. никто не удерживал», и он «не хотел» отражения времени фактического задержания, правильно отвергнуты Квалификационной комиссией как явно несостоятельные.

Оценивая доводы жалобы Ж. о том, что адвокат Ц., будучи назначенным защитником, принял участие в осуществлении его защиты до истечения 24-х часового срока с момента фактического задержания, Совет учитывает, что все следственные и процессуальные действия с Ж. были проведены до истечения этого срока, даже если исчислять его с 10.00 час. 08 мая 2025 года (то есть со времени, указанного адвокатом Ц. в его устных объяснениях в заседании Квалификационной комиссии 15 апреля 2026 года). В течение этого срока назначенный защитником адвокат вправе лишь принять участие только в составлении протокола задержания, поскольку это требование прямо предусмотрено ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ.

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года № 9 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указано:

«24-х часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны.

Уязвимость его положения усиливается крайней сложностью реализовать свое право на защиту адвокатом по своему выбору, для приглашения которого фактически отпущено время менее суток с учетом того, что статья 96 УПК РФ обязывает дознавателя, следователя уведомить

кого-либо из родственников задержанного не позднее 12 часов. Сам подозреваемый не знает, кто будет приглашать адвоката – заключать соглашение на защиту в соответствии с частью 1 статьи 50 УПК может любое лицо. В аналогичном положении оказывается и заключенный под стражу подозреваемый, обвиняемый, не имеющие защитника по соглашению. Вот почему привлечение к участию в деле защитника по назначению ранее установленных УПК РФ 24 часов, по сути, будет означать ликвидацию права подозреваемого, обвиняемого на приглашение адвоката.

Рассогласованность между ч. 4 ст. 50 и ч. 2 ст. 46 УПК РФ, устанавливающей, что подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента фактического задержания, разрешается в пользу соблюдения прав лица, задержанного или заключенного под стражу, что подтверждается авторитетным доктринальным толкованием: «Право на защиту – большая ценность, чем соблюдение процессуального срока, тем более, что последний установлен, главным образом, с целью обеспечения права на защиту» (А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Под редакцией доктора юридических наук, профессора, советника Конституционного Суда Российской Федерации А.В. Смирнова. М., 2009, с. 206).

На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении».

Ссылка адвоката Ц. на то, что Ж. якобы не желал приглашать защитника, не влияет на оценку его профессионального поведения. Адвокат Ц. как профессиональный советник по правовым вопросам был обязан исходить из того, что такая позиция была высказана Ж. без конфиденциального общения с защитником, а также из того, что защитник может приглашаться не только самим подозреваемым (обвиняемым), но и другими лицами по его поручению или с его согласия. Адвокат Ц. знал об осведомленности близких родственников Ж. о его задержании. Более того, в

результате дисциплинарного разбирательства установлено (в том числе аудиозаписью разговора адвоката Ц. с матерью доверителя Ж. – К.), что приглашенный К. адвокат вместе с ней ночью 09 мая 2025 года прибыл к помещению следственного органа, но не смог пройти в него. Все эти обстоятельства бесспорно указывают на отсутствие у адвоката Ц. не вызывающих сомнений в своей достоверности подтверждений невозможности явки приглашенного адвоката в течение 24 часов с момента фактического задержания Ж.

При таких обстоятельствах адвокат Ц. был вправе принять участие только в составлении протокола задержания Ж. в порядке ст. 91 УПК РФ в целях обеспечения права доверителя на свободный выбор защитника, а от участия в иных процессуальных действиях был обязан воздержаться. Однако он, вопреки приведенным выше обязательным требованиям, 09 мая 2025 года принял участие в следственных и иных процессуальных действиях в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника, а именно до истечения 24-часового срока явки приглашенного защитника.

Переходя к оценке доводов жалобы Ж. о бездействии адвоката Ц. в связи с причинением Ж. телесных повреждений, Совет отмечает, что факт причинения последнему телесных повреждений 08 мая 2025 года после его фактического задержания и до начала следственных действий, а также факт осведомленности об этом адвоката Ц. достоверно установлены в результате дисциплинарного разбирательства (в том числе аудиозаписью разговора адвоката Ц. с К.). При этом адвокату Ц., с учетом описанных выше обстоятельств, были очевидны и признаки, указывающие на возможное возникновение у Ж. телесных повреждений вследствие применения к нему незаконных методов при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В силу взаимосвязанных предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и пп. «г» п. 4 Стандарта, адвокат Ц. как защитник Ж. был обязан выяснить в ходе конфиденциального общения, применялись ли к его доверителю незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, и отреагировать на признаки, указывающие на причинение Ж. телесных повреждений, включая выяснение обстоятельств их возникновения, отражение этих сведений в протоколах процессуальных действий, обжалование бездействия (нереагирования) следователя на наличие у Ж. телесных повреждений, обращение с заявлениями и жалобами в правоохранительные органы, выяснение возможности участия Ж. в следственных и иных процессуальных действиях с учетом состояния его здоровья, заявление ходатайств о вызове скорой медицинской помощи и об отложении проведения процессуальных действий, обжалование действий (бездействия) и решения следователя в случае уклонения от рассмотрения таких ходатайств или отказа в их удовлетворении.

Действуя вопреки этим требованиям, адвокат Ц. никаких действий по этому факту не предпринял, в результате чего оказание медицинской помощи Ж. было организовано только после окончания следственных действий и помещения его в ИВС № ... ГУ МВД России по городу Москве. Неотражение информации о телесных повреждениях в протоколах процессуальных действий лишило Ж. и его защитников возможности в будущем ссылаться на их наличие при оценке добровольности признания им вины в совершении преступления.

Таким образом, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ц.:

не провел конфиденциальное свидание наедине с доверителем Ж. до его первого допроса в качестве подозреваемого, тем самым не исполнив обязанности: по разъяснению Ж. права на приглашение защитника по соглашению; по выяснению наличия обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие в производстве по уголовному делу, а также обстоятельств задержания Ж., проведения его допроса в отсутствие адвоката и применения к нему незаконных методов при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; отношения Ж. к подозрению в совершении преступления; по предварительному согласованию позиции по делу; по разъяснению Ж. правовых последствий признания вины и установлению добровольного характера такого признания;

не принял мер реагирования на нарушение права подзащитного Ж. на такое свидание;

не выяснил точное время фактического задержания Ж. и не указал в замечаниях к протоколу его задержания сведения о времени фактического задержания подозреваемого Ж. (08 мая 2025 года не позднее 15.10 час.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания (01.20 час. 09 мая 2025 года);

в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника (до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания) принял участие в качестве защитника Ж. по назначению в проведении 09 мая 2025 года с 01.55 час. до 04.35 час. следственных и иных процессуальных действий: допросе Ж. в качестве подозреваемого, предъявлении ему обвинения, допросе в качестве обвиняемого;

не принял мер к защите прав Ж. в связи с наличием признаков, указывающих на причинение ему телесных повреждений.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Ц. опровергнутой в части описанных дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении этих дисциплинарных нарушений – установленной. Кроме того, такое профессиональное поведение адвоката Ц. Совет признает подрывающим доверие к нему как к адвокату, то есть нарушающим требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, прочие выдвинутые заявителем Ж. дисциплинарные обвинения не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Рассматривая довод жалобы Ж. о нереагировании адвоката Ц. на производство следственных действий в ночное время 09 мая 2025 года, Совет отмечает, что принятие решения о неотложном характере следственных действий, позволяющем провести их в ночное время в соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ, находится в компетенции следователя, а проверка обоснованности такого решения осуществляется в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и находится вне компетенции органов адвокатского самоуправления. Кроме того, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ц. устно ходатайствовал об отложении следственных действий, сообщив следователю, что «они не хотят допрашиваться», однако следователь категорически отказался откладывать допрос, сославшись на его неотложный характер.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ц. фактически не принимал участие в допросе Ж., сформулировано неконкретно. Заявителем не указано, к какому из допросов относится это обвинение, а адвокат Ц. настаивал на том, что принимал участие во всех следственных действиях. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в недопустимом заявлении адвоката Ц. в общении с К. о том, что Ж. является преступником, Совет признает, что оно также не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, однако не соглашается с приведенным Квалификационной комиссией обоснованием этого вывода. Комиссия сослалась на п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокат не может быть привлечен к ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение. Совет не может согласиться с таким обоснованием, поскольку оно может создать ложное впечатление о допустимости подобного поведения и о том, что любое высказывание адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, в том числе и недопустимое с точки зрения профессиональной этики, исключает его ответственность.

Тем не менее, недопустимое для адвоката, тем более в отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора, высказывание адвоката Ц. «он преступник» в отношении своего доверителя Ж. было сделано в частной беседе адвоката с родственниками Ж. не в контексте обвинения последнего, а в контексте объяснения его матери К. вероятности осуждения ее сына к длительному сроку лишения свободы и необходимости приведения суду смягчающих его вину обстоятельств (в том числе факта

сотрудничества со следствием) для смягчения наказания. Указанное высказывание адвоката Ц. в личном разговоре с родственниками доверителя, хотя и являлось крайне неудачной и недопустимой лексической конструкцией, но с учетом его направленности на защиту интересов доверителя не может расцениваться как виновное нарушение требований профессиональной этики.

Дисциплинарное обвинение в опоздании адвоката Ц. 10 мая 2025 года в судебное заседание М. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу не подтверждено доказательствами. В протоколе судебного заседания указано, что оно было открыто в 12.41 час. при явке Ж. и его защитника – адвоката Ц. без ссылки на опоздание последнего.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение в склонении адвокатом Ц. Ж. к незаявлению возражений против избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Доводы Ж. о том, что он не заявил таких возражений под влиянием сильной боли и подавленного состояния, опровергают его же первоначальное утверждение о том, что соответствующую позицию ему навязал адвокат Ц. Сам адвокат Ц. это обвинение последовательно отрицал.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении довода жалобы Ж. о том, что адвокат Ц. ставил активность оказания им юридической помощи в зависимость от заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи, поскольку этот довод также не подтвержден доказательствами. Кроме того, соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом Ц. было заключено не Ж., а его матерью К., от которой исходила инициатива его заключения.

Довод жалобы Ж. о неполучении адвокатом Ц. согласия Ж. на осуществление его защиты на основании соглашения об оказании юридической помощи после его заключения с К. также не доказан. Единственным процессуальным действием, совершенным адвокатом Ц. после заключения соглашения, являлась подача 12 мая 2025 года апелляционной жалобы на постановление суда об избрании Ж. меры пресечения в виде заключения под стражу, которую он был обязан подать в силу предписаний п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом Ж. не только не возражал против подачи адвокатом Ц. этой жалобы, но и поддержал ее в заседании суда апелляционной инстанции. Отказ же от защитника – адвоката Ц. был заявлен Ж. позднее – 19 мая 2025 года.

Не нашел подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства и довод заявителя о подаче адвокатом Ц. указанной апелляционной жалобы после получения 03 июня 2025 года адвокатским образованием уведомления К. от 28 мая 2025 года о расторжении с ним соглашения. Факт регистрации апелляционной жалобы адвоката Ц. в М. районном суде города Москвы 06 июня 2025 года правильно оценен Квалификационной комиссией как не опровергающий позицию адвоката Ц. о подаче жалобы 12 мая 2025 года через личный кабинет на официальном

портале судов общей юрисдикции города Москвы. Это подтверждено представленным адвокатом скриншотом экрана и отметкой «эп» на жалобе, которая ставится на документы, поступившие в электронном виде, в соответствии с п. 2.1.5 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 года № 36. Таким образом, данная жалоба подана не после, а до получения направленного К. уведомления о расторжении соглашения с адвокатом.

Дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката Ц. от осуществления защиты Ж. является необоснованным, поскольку после письменного отказа Ж. от защитника – адвоката Ц., подписанного 19 мая 2025 года, адвокат Ц. не имел оснований для продолжения оказания юридической помощи. Доказательств его неучастия в каких-либо следственных или иных процессуальных действиях с Ж., а также наличия необходимости посещения Ж. в следственном изоляторе в период с 10 по 19 мая 2025 года не представлено. Кроме того, адвокат Ц. пояснил, что не смог посетить Ж. в следственном изоляторе, поскольку он до 30 мая 2025 года находился на стационарном лечении. Оснований для явки 02 июля 2025 года в судебное заседание апелляционной инстанции Московского городского суда по материалу № ... у адвоката Ц., как указано выше, не имелось.

С учетом изложенных обстоятельств, дисциплинарное производство в части перечисленных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ц. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет исходит из следующего. Достоверно установленные в результате дисциплинарного разбирательства и описанные выше обстоятельства свидетельствуют не просто о грубом и умышленном характере этих нарушений, но о фактическом оставлении адвокатом Ц. без защиты и какой-либо профессиональной помощи своего доверителя Ж., сопряженном с имитацией оказания такой помощи. Ссылки адвоката Ц. на «особенный» характер уголовного дела, расследуемого «особым органом», дополнительно усугубляют оценку его профессионального поведения. Совокупность описанных обстоятельств, в свою очередь, свидетельствует о том, что адвокат Ц. при осуществлении профессиональной деятельности преследует цели, чуждые как профессиональному назначению и профессиональному долгу адвоката, так и достоинству профессии, а также игнорирует профессиональные обязанности и обязательные требования к профессиональному поведению адвоката-защитника. Совет также учитывает, что в ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Ц. занимал позицию полного непризнания каких-либо нарушений в своих действиях, что нашло отражение в его письменных возражениях на поданные заявителями жалобы (вх. № ... от ..., № ... от ...), а также устном выступлении в заседании Квалификационной комиссии 15 апреля 2026 года. Признание вины во всех установленных Квалификационной комиссией нарушениях было сделано

адвокатом Ц. только накануне заседания Совета и непосредственно в его заседании. При этом, декларируя полное согласие с выводами Квалификационной комиссии, свою вину в установленных нарушениях адвокат Ц. признал частично и с существенной оговоркой, сообщив, что не имел прямого умысла на совершение нарушений, не имел целью навредить Ж., а пытался ему «оперативно помочь». Такую позицию адвоката Ц. Совет оценивает как неискреннюю, направленную лишь на избежание ответственности.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ц. недопустимым и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных проступков.

То обстоятельство, что ранее адвокат Ц., имеющий профессиональный стаж с 2018 года, к дисциплинарной ответственности не привлекался, Совет также принимает во внимание, но не находит возможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Ц. в составе адвокатского сообщества могло бы создать ложное представление о совместимости профессионального поведения, основанного на демонстративном игнорировании фундаментальных и обязательных профессионально-этических требований, со статусом адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которого он является, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При определении в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срока, по истечении которого Ц. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет учитывает всю совокупность установленных и описанных выше обстоятельств, включая данные о личности и профессиональной деятельности Ц., в том числе его

возраст и профессиональный стаж, и считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Ц. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему; адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с Разъяснениями № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 02 марта 2004 года «Об участии в делах по назначению», Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», и пунктов 3–6, 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, профессиональных обязанностей перед доверителем Ж., выразившееся в том, что, вступив не позднее 01.45 час. 09 мая 2025 года в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя по особо важным делам следственной службы УФСБ России по городу Москве и Московской области А., в качестве защитника Ж. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, он:

– не провел конфиденциальное свидание наедине с доверителем Ж. до его первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), тем самым не исполнив профессиональные обязанности адвоката, осуществляющего защиту в уголовном судопроизводстве, подлежащие исполнению в ходе такого свидания (выяснение наличия обстоятельств,

препятствующих принятию поручения на защиту или исключаяющих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснение Ж. права на приглашение защитника по соглашению; выяснение у Ж. обстоятельств задержания и уточнение, проводился ли его допрос в отсутствие адвоката и применялись ли к нему незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий; выяснение отношения Ж. к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления; предварительное согласование позиции по делу; разъяснение Ж. правовых последствий признания вины и установление добровольного характера такого признания), а также не принял мер реагирования на нарушение права подзащитного Ж. на такое свидание (внесение в протокол следственного действия заявления о нарушении прав доверителя Ж., заявление письменного ходатайства об обеспечении права на свидание наедине и конфиденциально, а в случае отказа в его удовлетворении – заявление о невозможности осуществлять защиту и обжалование неправомерных действий следователя прокурору либо в суд);

- не выяснил точное время фактического задержания Ж. и не указал в замечаниях к протоколу задержания подозреваемого Ж. от 09 мая 2025 года, составленному старшим следователем по особо важным делам следственной службы УФСБ России по городу Москве и Московской области А., сведения о времени фактического задержания подозреваемого Ж. (08 мая 2025 года не позднее 15.10 час.) в условиях отражения в нем недостоверного времени задержания подозреваемого Ж. (01.20 час. 09 мая 2025 года);

- в условиях нарушения права Ж. на свободный выбор защитника, до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Ж., принял участие в качестве защитника Ж. по назначению в проведении 09 мая 2025 года с 01.55 час. до 04.35 час. следственных и иных процессуальных действий с участием Ж. (допрос Ж. в качестве подозреваемого, предъявление ему обвинения, допрос Ж. в качестве обвиняемого);

- не принял при участии в следственных и иных процессуальных действиях 09 мая 2025 года мер к защите прав Ж. в связи с наличием признаков, указывающих на причинение последнему телесных повреждений (выяснение в ходе конфиденциального общения с Ж. обстоятельств возникновения у него телесных повреждений, а также возможности его участия в следственных и иных процессуальных действиях 09 мая 2025 года с учетом состояния его здоровья; отражение сведений о наличии у Ж. телесных повреждений и установленных по результатам конфиденциального общения с Ж. причинах их возникновения в протоколах следственных и иных процессуальных действий; обжалование бездействия следователя в связи с нереагированием на наличие у Ж. телесных повреждений; заявление ходатайств о вызове бригады скорой медицинской помощи и об отложении проведения следственных и иных процессуальных действий; обжалование действий (бездействия) следователя в случае отказа в удовлетворении заявленных ходатайств; обращение с заявлениями и жалобами в

правоохранительные органы по факту выявления у Ж. телесных повреждений).

Установить срок, по истечении которого Ц. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ц. по жалобе Ж. от 19 февраля 2025 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков